

ВСЯ ТРЕПЕТНОЕ, само-
забвенное движение,
восторг, вся нескрываемое,
откровенное упоение тан-
цем — такова балерина на
известной луврской картине
Эдуарда Дега «Звезда». Это
великолепное произведение
художника вспоминается
мне всякий раз, когда я ви-
жу на сцене Леонору Злоби-
ну.

Магия танца... В чем она?
Чем «берет в полон» зрите-
ля настоящая, истинно та-
лантливая балерина?

— Вы знаете, — говорит
мне один искусственный бале-
томан, — есть в «Эсмераль-
де» такое место, где Злобина
просто шла по сцене па-де-
бурре (так называют мелкое
беглое продвижение на паль-
цах). Место совсем не слож-
ное технически, вроде бы, не
броское внешне. Это делают
все исполнительницы роли
Эсмеральды. Но Злобина де-
лала это так, что невольно
комок к горлу подкатывал-
ся...

Говорят, многое зависит от
мастерства актрисы. И с
этим, конечно, нельзя не со-
гласиться. Леонора Михай-
ловна прошла хорошую про-
фессиональную школу танца.
Рассказывая о своем пути в
большое искусство, она не
устает называть имена учи-
телей. Встречами с наиболее
яркими, самобытными ма-
стерами хореографии, а не
дебютами в балетных спек-
таклях отмечает она основ-
ные вехи своей творческой
биографии. Впрочем, и то и
другое очень часто совпада-
ет.

Первое горячее напутствие
посвятить себя сцене Эля по-
лучила от матери. Зоя Ми-
хайловна, дочь шахтера-
большевика, Героя Труда,
сама мечтала в юности стать
балериной. Мечте не сужде-
но было сбыться. Тогда мать
приложила все свои силы,
чтобы осуществилось страст-
ное желание дочери.

Тринадцать кроваток, за-
стеленных одинаковыми
одеяльками, — в комнате ин-
терната Пермского хореогра-
фического училища. Одна из
маленьких жизнерадостных
хозяйек шумной комнаты —
десятилетняя Эля Злобина.

Девочка родилась и вырос-
ла в небольшом уральском
городе. Только здесь, в Пер-
ми, она впервые в жизни по-
падала в оперный театр. Да-
вали «Снегурочку» Чайков-
ского. Не по-детски притих-
шая, широко открытыми
глазами смотрела Эля на
сцену. Яркий, красочный
мир искусства привлек к се-
бе сразу и навсегда. А всего
несколько месяцев спустя
Эля вместе со своими новы-
ми подружками по училищу
уже сама танцевала в этом
спектакле несложные танцы
птичек и цветков. С тех пор
Злобина не расстается со
сценой.

Среди многих хороших
преподавателей училища
первой Леонора Михайлов-
на называет требовательную
и умную Людмилу Павлов-
ну Сахарову. Между прочим,
это ее, Сахаровой, воспитан-
ница — пятнадцатилетняя
Надя Павлова — стала лау-
реатом проходившего недав-
но в Москве Всесоюзного
конкурса балетмейстеров и
солистов балета. Позже, уже
на горьковской сцене, очень
обогатила Злобину-балерину
встречи с такими балетмей-
стерами, как Наталья Геор-
гиевна Конюс и Марат Му-
саевич Газиев, с такими ак-
терами, как солист балета

академического Большого те-
атра СССР Геннадий Ва-
сильевич Ледах...

— Настоящий балетмей-
стер, — говорит Леонора Ми-
хайловна, — отлично чув-
ствует творческую индиви-
дуальность актрисы и пре-
жде всего из нее, из этой ин-
дивидуальности, исходит,
помогая балерине создавать
сценический образ. Репети-
ции под руководством истин-
ного мастера хореографии —
для меня всегда большой
праздник. Только смотри и
бери, жадно хватай каждое
его указание, каждый жест.

Овладение сложнейшей
техникой танца... Поистине
нет предела для совершен-
ствования профессионально-
го мастерства балерины, ар-
тиста балета. Урок классики,
упорные, до седьмого пота,
занятия у станка — еже-
дневно. Репетиции нового
балета или сегодняшнего ве-
чернего спектакля — каж-
дый день. Долгие часы тре-
нировки тела, отработки лег-
кости, точности, пластично-
сти, словом, красоты движе-
ния. А вечером — очередное
балетное представление, ко-
торое всегда экзамен.

Репетиции, как и сам спек-
такль, это, помимо всего
прочего, тяжелая физичес-
кая работа. Недаром гово-

рят, что по мгновенным за-
тратам энергии труд артиста
балета можно приравнять
лишь к труду... молотобой-
ца.

Стихия балета — прежде
всего стихия движения. Дви-
жения, разумеется, профес-
сионально отточенного. Но
главное — пронизанного че-
ловеческим чувством. Вспом-
ните выражение поэта, став-
шее крылатым: «Душой ис-
полненный полет». В этом, в
одухотворении движения,
видимо, и состоит та магия
танца, о которой уже шла
речь вначале. Редким умени-
ем выразить в танце тон-
чайшие оттенки чувств вла-
деет и прима-балерина Горь-
ковского театра оперы и ба-
лета им. Пушкина, заслу-
женная артистка РСФСР
Леонора Злобина.

Именно эту бесценную спо-
собность талантливой тан-
цовщицы наряду с ее высо-
ким профессионализмом,
умением мыслить над обра-
зом, подчеркивали все кол-
леги балерины, с которыми
мне довелось беседовать.

— Бывают танцовщицы,
безукоризненно владеющие
пластикой тела, — рассказы-
вал Р. С. Саморуков, более
пяти лет бывший педагогом-
репетитором у Л. М. Злоби-
ной. — И это очень и очень
немало. Леонора — балерина
пластики души. Редким да-
ром владеет наша Эля: сред-
ствами танца передать тон-
чайшие нюансы душевного
состояния героини. Злобина
не признает танца ради тан-
ца, ради демонстрации голы
техники. Там, где за движе-
нием не подразумевается
чувства, душевного порыва,
Леонора теряется, становится
безликой.

За восемь лет Леонора Ми-
хайловна создала на горь-
ковской сцене целую галерею
образов. Это и прокофье-
вские Золушка, Джульетта,
Катерина из «Каменного
цветка», и Сольвейг из «Пер-
Гюнта» на музыку Грига, и

ПРИМА-БАЛЕРИНА

Одетта-Одиллия из бессмерт-
ного «Лебединого озера», и
Царь-девица из «Конька-
Горбунка» Щедрина, и Ва-
рышья из хореографической
новеллы Шостаковича «Ба-
рышня и хулиган», и Китри
из балета Минкуса «Дон Ки-
хот»...

Как видим, репертуар бо-
гатый и весьма разнообраз-
ный. Но лучше всего у ак-
трис получаются образы ли-
рического плана. Ее излюб-
ленные героини — натуры
цельные, бесхитростные,
простые; глубоко чувствую-
щие, но сдержанные на
внешнее выражение своих
переживаний. Такова и Жи-
зель из одноименного балета
французского композитора
Адана. Сама балерина счита-
ет этот созданный ею образ
одним из наиболее удавших-
ся. Жаль только, что очень
редко включают этот балет в
репертуар нашего театра, за-
мечает она.

Как сейчас, помню премье-
ру «Жизели». Вернее, детали
забылись. В памяти осталась
Жизель — Злобина, ее радости,
ее горе. Как что-то очень до-
рогое и нужное храню впе-
чатление необычайной иск-
ренности в передаче артист-
кой чувств героини. Той иск-
ренности, которая вызывает
невольное сочувствие всего
зрительного зала, трогает да-
же и не очень-то подготов-
ленного зрителя.

Помнится, артистов тогда
забросали цветами и долго
не хотели отпускать со сцены.

«Бесхитростность была ее
основным привлекательным
качеством», — писал в журна-
ле «Театральная жизнь» за-
служенный артист РСФСР
Г. Ледах о Жизели — Злоби-
ной. — Она как-то очень иск-
ренне раскрывала свою не-
посредственность, наивность.
Мягкими штрихами, как ак-
варелью, рисовала Злобина
этот образ... Ее движения
производят впечатление им-
провизации, душевного порыва,

неожиданно выливающего-
ся в танец. И невозможно
уловить за этим предвари-
тельную работу танцовщицы.
А сколько сил, сколько вре-
мени понадобилось ей, чтобы
создать эту легкость».

Сегодня у Леоноры Михай-
ловны очередной спектакль.
Как всегда в такие дни, она
пришла в театр за два часа
до первого звонка. Надо за-
гнаться, подготовиться
себя к выходу на сцену, вой-
ти в образ. В такие минуты
Злобина любит побыть наеди-
не с собой, сосредоточиться.
Все мысли ее — там, на сцене.
Обычно такая застенчи-
вая, удивительно простая, с
открытым и очень добрым
взглядом, сейчас она вся со-
бранны и строга.

Каждый спектакль — будь
то опера, балет или драма —
является неповторимым про-
изведением искусства, творчи-
мым на глазах у зрителя. Да,
конечно, представление тща-
тельно готовилось. Десятки
раз репетировались каждая
мизансцена, каждое движе-
ние, каждый жест. Но то все
была подготовка. Само «дей-
ство» идет вот в эти минуты,
непосредственно перед вами.

Нет и не может быть двух
спектаклей, как две капли
воды, похожих друг на дру-
га. Сегодня, к примеру, что-
то одному из артистов
удается, может быть, лучше,
чем вчера. И не только пото-
му, что работа над постанов-
кой продолжается непрерыв-
но на протяжении всей спе-
нической жизни спектакля.
Многое зависит тут даже и
от таких неуловимых, труд-
но управляемых факторов,
как, скажем, душевный на-
строй исполнителя.

...В который уж раз бале-
рина мысленно повторяет,
«проходит» про себя особо
трудные места первого акта
балета. Как-то «подыгрывает»
сегодня партнер — молодой
одаренный танцовщик Вале-
рий Миклин? Как поддержит
весь ансамбль исполнителей?
Как прозвучит музыка во

время вот этого прыжка?
Достаточно ли подчеркнет,
оттенит дирижер мелодией
эффектное, грациозное дви-
жение? Как встретит тебя
зрительный зал? Ох, сколько
этих «как» пронесется в го-
лове танцовщицы перед вы-
ходом на сцену!

— Одобрение, теплый при-
ем зрителя... Вы предста-
вить себе не можете, как
много значат они для арти-
ста! — говорила мне Злоби-
на. — Как они воодушевля-
ют, окрыляют!.. И, наоборот,
как остро ощущаешь холо-
док, отчужденность зритель-
ного зала. Я, например, сра-
зу же, не глядя в зал, чувст-
вую, когда в нем есть люди,
попавшие на балет случайно,
от нечего делать. Такие
обычно и не стремятся разо-
браться в происходящем на
сцене, понять непонятное на-
ше искусство.

И о другом, самом сокровенном:

— Помните, в дневниках
П. И. Чайковского есть коро-
тенная запись, сделанная
после первого концертного
исполнения одного из дейст-
вий «Лебединого озера»? «Ог-
ромный успех. Минута абсо-
лютного счастья». Это не пе-
редаваемое словами ощущение
счастья дает артисту бале-
та стихия танца, сознание
власти над чувствами много-
окого зрительного зала. Соз-
нание, что твоё искусство не-
сет людям прекрасное, а
значит, очень нужно им.

Но вот звучат первые так-
ты музыки. И все заботы,
опасения забываются, отхо-
дят куда-то на второй план.
Не отхлынуло лишь волне-
ние, к которому, наверное,
никогда не привыкнуть. Сама
грациозность, легкая, воз-
душная прима-балерина по-
является на сцене. Впереди
еще один экзамен перед зри-
телем. Экзамен самый глав-
ный, самый ответственный.
Потому что его сдаешь сего-
дня, сейчас.

В. ПОЛУШКИН.
Фото А. Новикова.